

В этом году ежегодное межшкольное соревнование сестринских школ принимал Киотский магический колледж, так что Харе и остальным пришлось выехать заранее. Те, кто редко бывал в древней столице — вроде Гэто Сугуру и Иэири Сёко, — вовсю предвкушали поездку, планируя прогулки по знаменитым храмам и садам.

Но для близнецов, Хары и Сатору, выросших в Киото, эти восторженные обсуждения грядущих экскурсий не представляли ровно никакого интереса.

— Да что хорошего в этом Киото? — фыркнул Сатору. — Там на каждом шагу разит гнилыми мандаринами. Да и смотреть на этих дурацких достопримечательностях абсолютно нечего.

Путешествие — это ведь просто поездка из места, которое надоело тебе, туда, где уже тошно местным. Сатору искренне не понимал, ради чего стоит топтать опостылевшие киотские мостовые. К тому же этот город оставался сердцем консервативного мира магов. Здесь, среди древних святынь, свили свои гнезда три великих семейства и Главный совет магов — оплот невыносимо упрямых ретроградов.

Хара разделял скепсис брата, но портить товарищам праздник не желал.

— Если действительно хотите осмотреть город, — мягко предложил он, — я могу прислать вам хорошего проводника.

Гэто, у которого от слов Сатору поубавилось пыла, неловко улыбнулся:

— Давай сначала закончим с межшкольным соревнованием сестринских школ, а там видно будет.

И всё же, раз уж они выбрались в такую даль, возвращаться без памятных снимков никому не хотелось. Иори Утахимэ давно научилась пропускать мимо ушей ворчание Сатору. Проигнорировав его очередную порцию яда, она увлеченно обсуждала с Мэй-Мэй и Сёко, у какого храма получатся лучшие ракурсы для фотографий.

Вскоре под предводительством Яги Масамити токийская делегация прибыла на территорию Киотского магического колледжа. Пусть под здешней землей и не было Звёздного дворца, охраняемого барьерами великого Тэнгэна, статус этого места оставался высочайшим. Киотский магический колледж служил цитаделью консерваторов, а его директор, Гакуганзи Ёсинобу, прочно удерживал лидерство среди старейшин. Так что по степени влияния Киото ничуть не уступал Токио.

Местная архитектура полностью отражала дух обитателей — кругом царил традиционный, безжизненный стиль с унылыми садами камней.

— Какое счастье, что мы не поступили сюда, — негромко пробормотал Сатору, оглядываясь. —

Учиться здесь — всё равно что не уезжать из Клана Годжо. Какая разница, под какими дряхлыми стариками ходить?

Шедший рядом Гэто, с любопытством рассматривавший традиционные галереи, расслышал его бормотание и спросил:

— У вас дома всё устроено точно так же?

Заметив интерес друга, Сатору оживился:

— Если хочешь, Сугуру, после соревнований можем съездить к нам. Покажу тебе поместье.

Сатору терпеть не мог родные стены, где воздух, казалось, был пропитан вековым давлением традиций, но идея привезти туда одноклассника показалась ему весьма заманчивой. Сам Гэто, будучи выходцем из обычной семьи, смутно представлял себе уклад трех великих семейств. О клане Годжо он судил исключительно по Харе и Сатору, а потому относился к этой семье с заочным дружелюбием. Движимый любопытством, он охотно согласился.

Яга делал вид, что не замечает этих перешептываний. Обсуждать тактику перед соревнованием не было никакого смысла: боевой потенциал нынешних первокурсников превосходил любые разумные пределы. Любого из троицы — Хары, Сатору или Гэто — хватило бы, чтобы в одиночку разгромить весь Киотский магический колледж. Токийский магический колледж выставил на поле боя неостановимую силу, не оставив соперникам ни единого шанса на победу. Понимая это, наставник сквозь пальцы смотрел на баловство учеников, требуя лишь одного — не устраивать погромы на чужой территории.

Пока Яга ушел в кабинет Гакуганзи утрясать организационные моменты, токийцев передали под опеку местного проводника. Им оказался робкий юноша из не-магов с весьма скромными способностями — едва дотягивавший до мага третьего ранга. Наслушавшись жутких слухов о близнецах Годжо, он трясся от страха, едва смея подавать голос в их присутствии.

Братья лишь мельком взглянули на несчастного проводника. Даже Сатору, вечно искавший повод для шуток, поленился издеваться над слабаком, который, казалось, был готов упасть в обморок от одного только прямого взгляда.

Впрочем, покорно следовать предложенному маршруту Сатору тоже не собирался. Он носился по коридорам и дворам, заглядывая в каждый угол, словно огромный любопытный белый кот, разгуливающий по собственной территории.

Хара шёл со всеми, но ни на миг не упускал из виду мечущегося брата. Сатору, чувствуя этот мягкий контроль, никогда не выходил за пределы видимости Шести глаз, очерчивая круги строго вокруг Хары. Губы старшего близнеца невольно тронула едва заметная, теплая улыбка.

Внезапно дорогу им преградил подросток с вызывающим видом. Он скрестил руки на груди и окинул токийцев презрительным взглядом:

— Эй! Так это вы из токийского филиала? И почему среди вас девки? Бабам место дома, пусть детей рожают да мужей ублажают, а не светят рожами в колледже. О, Хара! Это ведь ты? Помнишь меня, а?

Хара не имел ни малейшего желания смотреть на наглеца, но панорамный обзор Шести глаз не оставил ему выбора — образ преградившего путь крашеного блондина запечатлелся в сознании во всех деталях. Поскольку к нему обратились напрямую, Хара холодно спросил:

— А ты кто такой?

Он окинул парня оценивающим взором. Кто этот заносчивый юнец, задравший нос к небу? Запас проклятой энергии скудный — едва ли дотягивает до мага второго ранга. Таких ничтожеств Хара в памяти не держал.

Простой вопрос нанёс сокрушительный удар по самолюбию Дзэньина Наои. На лице его отразилось крайнее изумление, смешанное с яростью:

— Хара! Ты что, ублюдок, реально меня не помнишь?!

Как он смел забыть?! Ведь перед ним стоял законный наследник главы клана Дзэньин! Будущий лидер, надежда всей семьи! Ненавистный Хара, проклятые Шесть глаз... Какое высокомерие!

— Я Дзэньин Наоя! — процедил блондин сквозь зубы, едва сдерживая ярость.

— А, из Дзэньинов, — равнодушно кивнул Хара. — Дзэньин Наото, верно?

У Наои мгновенно вспыхнули уши — точь-в-точь как при их первой встрече в пятилетнем возрасте. Лицо его налилось пунцовой краской:

— Хара! Я же русским языком сказал: Наоя! Почему ты вечно коверкаешь моё имя?!

Хара опустил на него холодный, пустой взгляд. В бездонной синеве его глаз не отражалось ровным счетом ничего — силуэт Наои просто не задерживался в его сознании.

— Наверное, дело в твоей ничтожности, — безразлично обронил Хара. — Прости, но я не запоминаю имена слабаков. Особенно такого мусора, как ты.

Давление, исходившее от Шести глаз, обрушилось на Наою невидимой многотонной плитой. Ему показалось, будто само небо падает на его плечи. Невыразимый, первобытный ужас сковал тело, лишая возможности сделать вдох или хотя бы пошевелить пальцем. Наоя так и застыл соляным столпом. Лишь когда Хара, даже не сбавив шага, прошел мимо, оцепенение начало медленно спадать.

Гэто и остальные покосились на Наою, который от страха буквально побелел и застыл, словно гипсовая статуя. Внутри у них похолодело. Токийцы впервые видели Хару столь беспощадно-холодным и надменным. Именно в этот миг до них наконец дошло, почему в клане Годжо и во всем мире магов близнецов благоговейно именовали «Божественными детьми».

Облик Хары дышал чистым, отрешенным божеством, не знающим жалости к простым смертным. Человек, попавший под прицел этого взгляда, ощущал себя ничтожной песчинкой, трепещущей перед лицом грозного божества в ожидании кары. Даже со стороны наблюдать за этим было тяжело, а каково пришлось самому Наое, страшно было представить.

В этот момент из кустов вынырнул набегавшийся Сатору. Окинув презрительным взглядом всё ещё не пришедшего в себя блондина, он хмыкнул:

— Это ещё что за чучело? Сразу видно — на редкость мерзкий тип.

Сатору тоже его не узнал. И немудрено: брат просто так не стал бы тратить силы на ничтожество.

Пусть Сатору и сталкивался с ним в детстве, его память, как и у Хары, стирала любой бесполезный мусор.

— Кажется, его зовут Дзэньин Наоя, — пояснил Гэто. — Он ведь из тех самых Дзэньинов, верно?

Сугуру вопросительно взглянул на Сёко, проверяя себя. Та молча кивнула, подтверждая догадку.

— Дзэньин Наоя... — Сатору сощурился, пытаясь отыскать в закромах памяти образ заносчивого сопляка из консервативного клана. — Поймите, он разве не брюнетом был? С чего вдруг выкрасился в этот цыплячий цвет?

Сатору бесцеремонно сгреб за плечо испуганного проводника, который после сцены с Наоей отчаянно пытался слиться со стеной.

— Слышь, малявка, ты ведь знаешь этого Наою? — вкрадчиво поинтересовался Сатору, слегка сжав пальцы. — С чего это он вдруг опаршивел и заделался блондином? Говори давай, а то побью!

Несчастный парень задрожал всем телом, едва удерживая равновесие на подкашивающихся ногах.

— Г-господин Сатору, я... я правда не знаю! — пролепетал он, заикаясь. — Дзэнъин-кун поступил к нам уже крашеным! Я понятия не имел, что у него когда-то были темные волосы!

— Он действительно красит волосы, — спокойно вставил Хара, избавленный от необходимости присматриваться — Шесть глаз зафиксировали отросшие темные корни. — Причем красится уже давно.

Сатору удивленно вздернул брови:

— Да ладно? Этот мелкий ретроград решил на такой бунт? И Наобито до сих пор не переломал ему ноги за нарушение традиций?

Обычные нравы у Дзэнъинов были куда суровее, чем у них. Клан Годжо усилиями Хары хотя бы начал постепенно шагать в ногу со временем. Теперь, если кто-то из молодой поросли красил волосы, старики могли разве что поворчать втихомолку. Никто не рисковал устраивать публичные скандалы — ведь любые нападки на новшества могли истолковать как скрытый протест против реформ самого Хары.

А вот у Дзэнъинов всё оставалось по-старому — в их родовом гнезде до сих пор шарахались от интернета. И надо же, законный наследник этого средневекового заповедника разгуливает с крашеной шевелюрой!

— О-о, это становится интересным, — предвкушающе ухмыльнулся Сатору. — Жду не дождусь возможности посмотреть на этого бунтаря в деле во время соревнований.

Прекрасно понимая ход мыслей брата, Хара покачал головой:

— Не обольщайся, Сатору. Пусть он и красит волосы, строя из себя бунтаря, внутри он остаётся всё тем же гнилым мандарином, плоть от плоти своего убогого клана.

Сатору вернулся слишком поздно и не слышал тех замшелых, оскорбительных бредней, которые блондин изрыгал в адрес девушек. Из-за этого он и принял Наою за какого-то идейного бунтаря. Выслушав предупреждение брата, он разочарованно моргнул и мгновенно потерял к Дзэнъину всякий интерес:

— А, очередной мелкий гнилой мандарин... Ну и ладно. Скукотища.

Проводник из Киото, вынужденный выслушивать эти кощунственные речи, мысленно умолял о пощаде. Ему хотелось зажать уши и провалиться сквозь землю.

«Ради всего святого, токийцы, за кого вы меня принимаете?! — паниковал про себя проводник. — Зачем вы обсуждаете это при мне? Если Дзэнъин узнает, что я это слышал, он же меня живьем закопает!»

Разумеется, до его терзаний никому не было дела. Токийская делегация просто двинулась дальше по территории, начисто позабыв о проводнике и оставив его топтаться позади.

Когда пришло время официального открытия межшкольного соревнования сестринских школ, Хара окинул взглядом команду соперников и к своему удивлению не обнаружил в их рядах ни крашеного Дзэнъина, ни того робкого паренька, что вчера водил их по территории.

Киотский магический колледж лишился сразу двоих участников, из-за чего их состав уступал токийческому численно.

Директор Гакуганзи, тяжело опершись на трость, сухо объявил:

— По непредвиденным обстоятельствам двое наших учеников не смогут принять участие в состязании. Соответственно, Токийскому магическому колледжу также придется сократить количество участников на два человека.

При этих словах старик в упор посмотрел на близнецов Годжо. Его намерение сквозило во всем его облике — убрать с доски двух сильнейших магов особого ранга, обладателей Шести глаз.

— Это ещё что за новости? — тут же взвился Сатору. — Старик, ты решил просто взять и запретить нам с братом участвовать?

Хара оставался безучастен. Силы киотской команды изначально выглядели смехотворно, и тратить время на возню с ними ему совершенно не хотелось. Он мягко положил ладонь на плечо брата, предлагая тому самому оценить состав соперников.

Сатору послушно сощурился, выискивая среди чужаков знакомую крашеную макушку, но, так ничего и не найдя, искренне удивился:

— Погодите-ка... А где этот напыщенный блондин? Я ведь специально собирался начистить ему рыло перед камерами. Почему его нет?

Осознав, что главного развлечения не предвидится, Сатору мгновенно сник. Никто из оставшихся противников не стоил даже ленивого взмаха руки.

— Ну и ладно, больно надо, — со вздохом пробормотал он.

А ведь Сатору так надеялся повеселиться. На деле же всё оказалось унылым до зубовного

скрежета.

Противники — бездарности, правила — тоска зеленая, да еще и местный директор из кожи вон лезет, лишь бы не пустить фаворитов на поле боя. Словом, цирк, а не турнир. Потеряв всякий азарт, братья без долгих споров отказались от участия. Яга, убедившись, что переубеждать их бесполезно, лишь мысленно взмолился, чтобы хотя бы Гэто Сугуру не вздумал валять дурака.

Межшкольное соревнование сестринских школ традиционно состояло из группового и одиночного этапов. В командном сражении токийцам даже не пришлось прилагать усилий: Гэто просто призвал целую армию подвластных проклятых духов, которая за считанные минуты буквально смела киотских учеников с поля. Чистая, разгромная победа.

Командный зачет превратился в бенефис одного-единственного мага.

Мэй-Мэй, которую уже рекомендовали на звание мага первого ранга и ожидавшую лишь практического экзамена, этот триумф мало волновал. Меньше работы — целее силы, тем более за победу в школьных играх премий не платили. Возможность победить, не сделав ни единого лишнего движения, её полностью устраивала.

Утахимэ, чья проклятая техника носила исключительно вспомогательный характер, держалась в стороне от передовой. Она только недавно закрепилась в звании мага второго ранга, амбициями не страдала и охотно уступила Гэто все лавры, совершенно не переживая, что осталась в его тени.

Что же касается Сёко, то лучший целитель курса с удовольствием устроилась на трибунах, лениво греясь на солнышке под защитой чужих спин.

Закрепляя успех, в одиночных дуэлях Гэто устроил настоящее показательное выступление, в одиночку раскатав всех соперников одного за другим.

Наблюдавший за этим Сатору навалился всем весом на плечо Хары и обиженно захныкал:

— Эх, зря я согласился уйти! Надо было остаться. Я бы примерил роль финального босса, чтобы эти слабаки один за другим выходили против Великого и Ужасного Годжо Сатору и ложились костями! А теперь весь триумф достался Сугуру.

Хара ласково погладил растрепанную белоснежную макушку брата и негромко произнес:

— Сугуру эта победа нужнее. Теперь его авторитет укрепитя, и он гарантированно получит рекомендации для присвоения звания мага особого ранга.

Путь к высшему рангу магов в их мире был тернист: требовалось не только доказать силу в бою с проклятыми духами особого ранга, но и собрать письменные поручительства как минимум от

пяти магов первого ранга, после чего получить одобрение Главного совета магов.

В свое время Главный совет магов до последнего затягивал присвоение особого ранга близнецам, несмотря на их очевидное превосходство. Хара тогда разыграл безупречную карту: он просто запретил себе и Сатору брать любые миссии высшей категории сложности. Мол, раз верхушка магов не признает их квалификацию, то и рисковать жизнями на сложнейших заданиях они не обязаны.

В итоге опасные задания копились мертвым грузом, а единственная на тот момент обладательница звания мага особого ранга Цукумо Юки беззаботно колесила по заграницам и плевать хотела на приказы начальства. Когда давление со стороны правительства Японии из-за нераскрытых дел достигло критической отметки, старейшинам Главного совета магов пришлось засунуть гордость поглубже и самим умолять близнецов принять заслуженный статус.

Хара и тогда не упустил выгоды — он ломал комедию, капризничал и согласился на повышение только после того, как вытряс из чинуш внушительные уступки и финансирование. Главный совет магов кипел от злости: их план по укрощению строптивых наследников Годжо обернулся позорным фиаско, где им пришлось выпрашивать согласие у вчерашних подростков.

С Гэто ситуация обстояла иначе. Его продвижение вверх не вызывало у верхушки такого отторжения — напротив, они жаждали его возвышения.

Хотя современный Главный совет магов давно превратился в гнездо консерваторов и ставленников крупных кланов, изначально эта структура создавалась правительством как противовес заносчивым великим семействам. В первые годы ее работы большинство мест там занимали выходцы из обычных семей, а не потомственные маги.

Власть развращает. Те, кого государство двигало вперед ради борьбы с аристократией, со временем обросли собственными связями, основали свои мини-династии и создали прочную паутину кумовства. Организация, призванная защищать интересы простых магов, превратилась в безжалостный инструмент их эксплуатации. Победители дракона сами отравили чешую.

Но даже закручивая гайки, старейшины не гнушались продвигать особо одаренных самородков, если те могли послужить щитом против неуправляемых близнецов Годжо. Огромная сила братьев пугала верхушку, и та отчаянно нуждалась в «своем» лояльном тяжеловесе мага особого ранга для баланса сил.

Вот только гении рождаются не по заказу. Потолок возможностей любого мага предопределен с колыбели: одаренный от природы взлетает на недостижимую высоту без видимых усилий, в то время как бездарность, сколько её ни пичкай редкими артефактами и ресурсами, никогда не прыгнет выше головы.

Сугуру с его уникальной способностью поглощать и подчинять проклятых духов без всяких

лимитов был идеальным кандидатом. Главный совет магов начал плести интриги вокруг него с первого же дня его появления в Токийском магическом колледже, надеясь вбить клин между ним и близнецами.

Хара вовремя разгадал эту игру и дал другу ценный совет: перед эмиссарами Главного совета магов изображать амбициозного и слегка уязвленного гордеца. Пусть думают, будто Сугуру спит и видит, как превзойдет близнецов, презирая их за то, что все их успехи якобы держатся лишь на ресурсах великого клана и Шести глазах.

Гэто блестяще справился с ролью. На тайных встречах с кураторами он напускал на себя спесь, заставляя чиновников снисходительно посмеиваться над его юношеским максимализмом и одновременно потирать руки от радости. Они были свято уверены, что легко сманипулируют наивным юнцом и используют его как оружие против клана Годжо.

Неудивительно, что его карьера развивалась стремительно: получив звание мага второго ранга, он уже спустя пару месяцев получил ворох рекомендаций от лояльных Совету людей и перешел в звание мага первого ранга. Хара не сомневался — триумф в Киото станет последней каплей, и верхушка сама запустит процедуру его аттестации на особый ранг.

Именно ради этого Хара так легко подыграл директору Гакуганзи, когда тот попытался отстранить Шесть глаз от турнира. Это освобождало сцену для Сугуру, давая ему возможность засиять во весь рост перед нужными свидетелями.

Мысль о том, как вытянутся физиономии старейшин, когда они своими руками выпестуют нового мага особого ранга, а тот окажется верным союзником близнецов Годжо, невероятно грела душу. Хара уже планировал поручить их людям в Главном совете магов тайком заснять этот момент на камеру. Сатору будет в восторге. Старший брат заговорщически шепнул об этой перспективе прильнувшему к нему Сатору.

Тот мгновенно оживился, растеряв всю свою напускную хандру:

— Серьезно?! О-о, я обязан это увидеть! Старые маразматика поймут, что их обвели вокруг пальца, и у них от злости пар из ушей пойдет! Интересно, они от досады не лопнут, как перезрелые гнилые мандарины? Ха-ха-ха!

Хара мягко улыбнулся, глядя на повеселевшего брата. А на арене тем временем Гэто Сугуру методично укладывал на лопатки последнего киотского бойца, триумфально завершая это межшкольное соревнование в пользу Токио.